

МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ, ИШТВАН II И МЕЖДОУСОБИЦА ВОЛОДАРЕВИЧЕЙ

20 мая 1125 г., после смерти Владимира Всеволодовича Мономаха киевский княжеский стол занял его сын Мстислав Великий. В своей деятельности он продолжил линию отца, поддерживая, иногда жесткими мерами, ту политическую структуру русских земель, которая была признана всеми князьями на Любечском съезде 1097 г. и последующими общекняжескими решениями. Но, как и Владимиру Мономаху, Мстиславу удалось лишь на время затормозить процесс дальнейшего увеличения числа самостоятельных княжеских владений. Территория же, находившаяся под контролем Мстислава во время его княжения в Киеве (1125–1132), была заметно меньше. Из-под власти киевского князя в то время ушли Ростово-Суздальская земля и Черниговское княжество. Частично Мстислав Великий компенсировал это подчинением Полоцкого княжества.

Первые внешнеполитические акции времени киевского княжения Мстислава Великого были связаны со Степью. Узнав о смерти Владимира Мономаха и смене власти в Киеве, половцы воспользовались этим для нападения на Переяславщину, однако княживший там брат Мстислава Ярополк Владимирович вынудил половцев вернуться в Степь¹. В последующем летописцы не отмечали их набегов на русские земли в киевское правление Мстислава Великого, из чего можно сделать вывод о том, что в этот период между русскими княжествами и половцами установились мирные отношения². По свидетельствам летописцев, русские князья не заключали тогда браков с дочерьми половецких ханов.

Для венгерского короля Иштвана II (1116–1131) 1125 г. принес ряд неприятностей внешнеполитического характера. В мае–июне венецианцам удалось отвоевать далматинские города, возвращенные под власть венгерской короны в 1124 г.³ В том же году Иштван II, по всей видимости, начал репрессии против своих родственников, ослепленных его отцом, а также их сторонников. Это привело к бегству всех их, кроме принца Белы (сына Алмоша, двоюродного брата короля) в Византию⁴. Бела предпочел укрыться (в глубокой тайне от Иштвана II) на юго-востоке Венгрии в Печварадском монастыре⁵.

Иштван II отличался импульсивным характером и нередко принимал решения, руководствуясь сиюминутными чувствами или настроениями⁶. Возможно, именно этим объясняется внезапное нападение венгерского войска на Польшу в 1126 г. Как известно, у польского короля Болеслава III Кривоустого (1102–1138) в первое десятилетие XII в. сложились устойчивые союзнические отношения с отцом Иштвана II Калманом Книжником (1095–1116). Эти отношения поддерживались военной помощью, которую они оказывали друг другу в борьбе с мятежными принцами. В 1123 г. «угры и ляхи» вместе осаждали Владимир-Волынский в составе антимономаховской коалиции, хотя были поляки и среди защитников этого города. Они смертельно ранили Ярослава Святополчича, что вынудило его сторонников возвратиться в свои земли⁷.

Сведения источников о рассматриваемом походе ограничиваются единственной фразой созданных в Венгрии Венской и Иллюстрированной хроник, которая следует сразу же после известия о возвращении Иштвана II из-под стен Владимира-Волынского

* Юрасов Михаил Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

го на родину (конец главы 156): «После этого на третий год он опустошил, послав войска, польские пределы»⁸. Об этом же событии, по мнению Д. Паулера, цитированные хроники пишут и в начале главы 153 после сообщения о пребывании Иштвана II в Далмации: «Вернувшись оттуда и послав свои войска, он опустошил польские пределы»⁹.

Поскольку при описании правления Иштвана II венгерские средневековые исторические сочинения не придерживаются строгой хронологической последовательности, предположение Паулера имеет высокую степень вероятности. Вряд ли Иштван II мог нарушить многолетний союз с Польшей в первые годы своего правления. К тому же борьба Венгрии и Венеции за Далмацию в первой трети XII в. шла с переменным успехом и имела столько кратковременных этапов¹⁰, что венгерский хронист вполне мог запутаться в них и продублировать известие об одном и том же походе, который состоялся после возвращения Иштвана II с Адриатического побережья. Польские хроники об этом конфликте ничего не сообщают.

В связи с этим объяснение Д. Паулером причин внезапного похода венгерского войска на Польшу в 1126 г. заслуживает внимания, хотя, как будет показано ниже, не является единственно возможным. По сути дела, версия венгерского историка лежит в русле общей характеристики Иштвана II как личности чрезвычайно эмоциональной и импульсивной. Подчеркивая незначительность нападения венгров на приграничные с их страной польские земли, Паулер характеризует ее так: «Быстро вспыхнувшая ссора также быстро и прошла»¹¹. Более серьезно к вопросу о причинах похода венгерского войска на Польшу в 1126 г. относится Ф. Макк, связывая его с междоусобицей наследников Володаря Ростиславича.

Характеризуя внешнеполитические приоритеты Иштвана II и Мстислава Великого в целом, следует отметить, что никаких улучшений в сфере киево-венгерских отношений в первые годы их синхронного правления не произошло. Киевский князь в то время продолжал политику Владимира Мономаха, действовавшего (после высылки его дочери Евфимии из Венгрии на родину около 1114 г.) по принципу: не искать путей ни к сближению, ни к осложнению отношений с Венгрией. В связи с этим Иштван II, унаследовав от отца враждебное отношение к Мономаху и его детям, интересовался не столько положением в Киеве, сколько событиями, происходившими в юго-западной Руси, хотя никаких данных источников о связях юного венгерского короля с князьями граничивших с его владениями русских земель до 1126–1127 гг. у нас нет. Владимир Всеволодович Мономах также держал в поле зрения этот регион, стремясь сохранить его в сфере своего влияния. По свидетельству Повести временных лет, 11 сентября 1113 г. он женил своего сына Романа на дочери перемышльского князя Володаря Ростиславича¹².

Начало правления Мстислава Великого в Киеве совпало с новой междоусобицей на землях будущей Галиции. Некогда монолитная княжеская ветвь Ростиславичей (потомков Владимира, самого старшего из сыновей Ярослава Мудрого), представители которой выступали единым фронтом как против Ярослава Святополчича, так и против Владимира Мономаха, впервые разделилась на 2 враждующих лагеря, причем выясняли отношения на поле брани родные братья, сыновья Володаря Ростиславича Владимир (Владимирко), владевший в то время Звенигородом и Белзом «с волостями, расположенными в междуречье Сана и Западного Буга», и Ростислав, получивший после смерти отца Перемышльскую волость¹³. Ни ранние, ни поздние русские летописи ничего не сообщают о борьбе Владимира с Ростиславом за полную власть над отцовским княжеством, поделенном между ними по завещанию Володаря Ростиславича. Однако большинство исследователей склонны относиться серьезно к известиям об этой междоусобице, содержащимся в более поздних источниках – «Польской истории» Яна Длугоша и «Хронике поляков» Мачея Меховского, версию которого воспроизвел в своей «Хронике польской, литовской, жмудской и всей Руси» Мачей Стрыйковский¹⁴.

Венгерские историки XIX в. Л. Салаи и М. Хорват считали, что Венская и Иллюстрированная хроники, а также русские летописи под 1123 г. сообщают о событиях, происходивших в 1127 г., и объединяли информацию, помещенную под этими годами

в вышеназванных источниках (поход Иштвана II под стены Владимира-Волынского и его помощь Владимиру Володаревичу), в один событийный ряд, относя его к 1127 г.¹⁵ Против этого справедливо выступает Ф. Макк, поскольку «место действия исторических событий, их участники и состав противоборствующих сил полностью отличаются друг от друга»¹⁶. По мнению Н.Г. Бережкова, автора фундаментального исследования по хронологии русских летописей, статья Ипатьевской летописи под 6631 г. содержит описание событий, происшедших в 1123/24 мартовском году¹⁷, что исключает их датировку 1127 г. Ряд исследователей не признают достоверными известия Я. Длугоша и М. Стрыйковского и считают, что Иштван II лишь однажды, пытаясь в 1123 г. вернуть волынское княжение Ярославу Святополчичу, – вмешивался во внутренние дела юго-западной Руси¹⁸. Подобное отношение к тексту названных авторов представляется гиперкритичным. Как будет показано ниже, многочисленные косвенные данные делают вполне возможным участие венгров в событиях 1123 и 1127 гг.

В.Н. Татищев уже в первой редакции «Истории Российской» так описывает эти события: «6634 (1126). Галицкого князя Володаря сынове вскоре по отцы начаша межи собою враждовати; не хоте Володимерко Ростиславу брату волость Свиногород и Белз дати, но не смеяху Володимира (Мономаха. – *М.Ю.*), зане, послав муж свой, заказа. А скоро Владимир умерл, начали рать межи собою и собрали войска немалы. Володимерко призва угры, а Ростислав сняся с Васильковичи, Игорем и Ростиславом. И посла ко Мстиславу, великому князю, жалуюся на брата и проси, абы ему помог. Мстислав же посла полки своя, веле я умирити. И съехашася в Чирске, где многу прю воздвигши, не могши уладитися. Володимерко же, бояся Мстислава, взем жену и чада, иде ко угром воев просити; а Ростислав осадил Свиногород и добывал, где Володимерков наместник с тремя тысячи угров и галичан отпор чинил. И по многих боях Ростислава, нашед, победил и прогнал. Потом вскоре и Володимерко пришед, не смел Мстислава воевать на брата»¹⁹. Во второй редакции своего труда Татищев передал ту же самую информацию современным ему языком, сделав одно уточнение: Владимирко «уехал в Венгры к *тестю* (курсив мой. – *М.Ю.*) просить войска»²⁰.

Помимо того, что рассказ Татищева более подробный, он в некоторых деталях противоречит сведениям польских хронистов²¹. Откуда историк взял эти детали, неизвестно. Судя по содержанию цитированного рассказа, в источнике (или источниках), использованном Татищевым, содержался рассказ обо всей междоусобице, первые проявления которой были приглушены властной рукой Владимира Мономаха. Отсюда следует, что под 6634 г. в «Истории Российской» помещены краткие известия о событиях, происходивших в 1124–1127 гг.

Обобщающий характер повествования Татищева порождает споры историков по поводу точной датировки описываемого им конфликта. Так, О.М. Рапов считает, что междоусобица Володаревичей шла в 1125–1126 гг.²², к 1126 г. ее относят Н.Ф. Котляр и П.П. Толочко²³. Историки опираются на датировку Татищева, но Рапов при этом учитывает содержащуюся в этой же статье «Истории Российской» информацию о том, что Володаревичи начали борьбу за отцовское наследие еще при жизни Владимира Мономаха. Большинство же исследователей относят этот конфликт к 1127 г.²⁴, опираясь либо на датировку Длугоша, либо на свидетельство «Жития Конрада, епископа Зальцбургского», сообщающего о пребывании Иштвана II в этом году в так называемой Русской марке (см. ниже).

Длугош пишет об этих событиях (о которых ему стало известно из не дошедшего до нас источника) в таких терминах, которые были понятны современному ему читателям, жившим в католической части Европы, поэтому среди посредников, занимавшихся примирением братьев, у него фигурируют *barones*²⁵. Возможно также, что в распоряжении польского хрониста было венгерское или немецкое историческое сочинение. С точки зрения рассматриваемой темы интересно уточнение, которое дает Длугош: «Поскольку венгры пришли к Владимиру на помощь, о которой он просил, с опозданием, Ростислав, получив помощь от русских, а именно от киевского князя Мстислава, а также от Григория и Ивана Васильковичей, выступил против Владимира»²⁶. Судя же

по повествованию Татищева, венгерская помощь пришла к Владимиру вовремя, поскольку, по его сведениям, осажденный Ростиславом Звенигород обороняли галичане и 3 тыс. венгров. Более того, защитники этого города смогли нанести поражение отрядам, приведенным Ростиславом.

В отличие от Татищева, Длугош разбивает повествование о междоусобице Володаревичей на 2 части, помещая их, соответственно, под 1127 и 1128 гг.²⁷ Неудачная попытка Н.А. Баумгартена «найти» венгерскую жену Владимира, по мнению А.В. Назаренко, «сильно снижает доказательность известия В.Н. Татищева и повышает вероятность сказанного Длугошем»²⁸. Несмотря на то что между рассказами Длугоша и Татищева о междоусобице Владимира и Ростислава Володаревичей существуют некоторые отличия, все же в основном они не противоречат друг другу. Поскольку Ростислава в 1126 или 1127 г. поддержали киевский князь Мстислав Великий и сыновья Василька Ростиславича, это дало Котляру «определенные основания считать» Владимира «зачинщиком ссоры, поскольку на Руси сочли справедливым дело Ростислава»²⁹.

Двукратное обращение Владимира за помощью к Иштвану II, причем во второй раз лично, и избрание звенигородским князем Венгрии местом для политического убежища всей его семьи свидетельствует о том, что Владимир решил сыграть на устойчивой антипатии, сохранявшейся между ветвью Калмана и Мономашичами, придав ей новую остроту. Как известно, в годы киевского княжения Владимира Всеволодича (1113–1125) эта антипатия так и не переросла в военное столкновение между Калманом, а затем его сыном Иштваном II, и Мономахом. Теперь же Владимир Володаревич, скорее всего, попытался использовать негативные чувства венгерского короля к Мономаху и его детям для получения военной помощи против Ростислава.

Однако ситуация, в которую вмешался Иштван II, оказалась патовой. Мстиславу Великому не удалось наказать виновного (по его мнению) князя, а венгерский король не смог помочь Владимиру отнять у брата его княжение. В конечном счете междоусобица Ростиславичей, судя по всему, закончилась на условиях *status quo ante bellum*. Владимир вернулся в свое княжество, а Ростислав вынужден был довольствоваться властью, завещанной ему отцом. В связи с этим характер отношений между Киевом и Венгрией не изменился, оставшись в форме «мирной антипатии».

Несмотря на то что в Венгрии с начала XI в. планомерная работа по созданию королевских замковых округов (комитатов, медье (*венг.*)³⁰), малонаселенность большинства окраинных областей государства вынуждала сохранять здесь архаичные марки. В ряде средневековых нарративных источников, описывающих события XI в., либо упоминается (или подразумевается) некая Руссия, являющаяся частью Венгрии, либо книжники, повествуя об одном и том же событии, называют местом, где оно произошло то Русь, то Венгрию. Скорее всего речь во всех подобных сюжетах идет о бассейне Верхней Тисы и соседних районах нынешней Восточной Словакии. Представляется, что венгерская Руссия тождественна Русской марке, где находился Иштван II, когда его разыскивал посол австрийского герцога Леопольда III³¹. Описание именно этого события связано с единственным упоминанием в источниках Русской марки (*marchia Ruthenorum*). Уже не одно поколение историков из разных стран пытается определить регион, в котором находилась эта населенная русскими пограничная область. При этом выдвигалась даже гипотеза о наличии в рассматриваемое время тесных связей между русским населением, жившим по обе стороны Карпат³². Пребывание же в «Русской марке» Иштвана II в 1127 г., как считают исследователи, скорее всего было связано с междоусобицей в юго-западной Руси.

Главной причиной трудностей локализации Русской марки является неопределенность сведений о ней в том единственном источнике, где она упоминается. Речь идет о «Житии Конрада», закончившего свою земную жизнь в 1147 г. Зальцбургским архиепископом (*Vita Chunradi archiepiscopi Salisburgensis*). Написание этого агиографического сочинения датируется исследователями 70-ми гг. XII в. Хотя составивший его монах лично знал Конрада, вспоминая о событиях 30-летней давности, он допустил многочисленные неточности³³. В главе 18 Жития можно прочитать о том, что австрий-

ский герцог Леопольд III «направляет посла к [венгерскому] королю, который тогда находился в марке рутенов»³⁴. Само по себе повествование агиографа о поездке Конрада в Венгрию имеет отношение лишь к истории венгерско-австрийских отношений. Миссия Зальцбургского архиепископа закончилась удачно: он добился от Иштвана II сохранения мира с Австрией и возвращения пленных, захваченных венграми в ходе последнего набега на Восточную марку.

Отсутствие точной даты рассматриваемого посольства послужило причиной дискуссий по этому поводу, шедших с конца XIX в. Предлагаемые исследователями датировки находятся в интервале между 1125 и 1131 гг. При этом большинство историков считают датой поездки Конрада в Эстергом 1127 г.³⁵ Х. Марцали полагает, что она имела место в 1125 или 1126 гг.³⁶ По мнению Д. Паулера, Зальцбургский архиепископ ехал вовсе не к Иштвану II, а к его преемнику Беле II Слепому, и произошло это в 1131 г.³⁷ Автор новейшего детального исследования по проблеме Русской марки Ф. Макк, отметив, что все приведенные даты «в равной степени не исключаются», все же присоединился к тем, кто датирует миссию Конрада 1127 г., приведя по этому поводу следующие соображения: «Если мы обратим внимание на тот факт, что одновременно с венгерской поездкой посла в компании с проезжавшим близ венгерско-австрийской границы Зальцбургским архиепископом был и Мюнстерский епископ Экберт, который после 28 февраля 1127 г. занял также и папский престол»³⁸, тогда можно предположить: Иштван II был на русском пограничье в 1127 г. По нашему мнению, можно установить и более точную датировку, поскольку осенью 1127 г. король возглавил поход против Византии, следовательно, он мог находиться в Русской марке лишь в первой половине 1127 г.»³⁹. Аргументация Макка представляется достаточно убедительной. Если точка зрения Макка соответствует действительности, то вряд ли названный венгерский король отправился в Русскую марку, не имея никаких конкретных внешнеполитических целей. Как раз в это время продолжалась междоусобица сыновей Володаря Ростиславича, один из которых, Владимир, дважды искал помощи в Венгрии.

Поскольку установить путь посла Конрада к венгерскому королю на основании имеющихся в нашем распоряжении данных невозможно, решение проблемы локализации Русской марки во многом зависит от установления характера пребывания в ней в рассматриваемое время Иштвана II. На это обращает внимание Макк, стремясь ответить на вопрос о степени участия венгерского короля в междоусобицах Володаревичей. Исходной точкой рассуждений историка является тезис о том, что Иштван II оказался в затруднительном положении, поскольку был союзником отца обоих воевавших между собой сыновей Володаря Ростиславича. Выбор венгерского короля решила поддержка Мстиславом Великим Ростислава. Это означало переход последнего в стан Мономашичей, вражду к которым Иштван II унаследовал от своего отца Калмана Книжника.

Исходя из этого и анализируя свидетельства источников, Макк считает, что предоставление помощи Иштваном II звенигородскому князю «имело сложный характер. С одной стороны, он направил вспомогательные отряды в распоряжение Владимира, они принимали участие в обороне Звенигорода, с другой стороны, одновременно с этим король сам направился в пограничную с Русью область (*marchia Ruthenorum*), находящуюся в низовьях Карпат, в направлении Галича. Это было угрожающее военное движение, и очень может быть, что с получением известия о нем Ростислав прекратил осаду Звенигорода»⁴⁰.

Таким образом, Макк напрямую связывает упоминание Русской марки с междоусобицей Володаревичей и считает, что Иштван II, отправив часть своего войска на помощь защитникам Звенигорода, готов был лично возглавить поход в юго-западную Русь, если эта помощь окажется недостаточной. О стремлении Иштвана II играть роль стороннего наблюдателя борьбы Владимира с Ростиславом писал еще М.С. Грушевский, считавший, что король официально отправился в Русскую марку на охоту⁴¹. М. Фонт придерживается такой же точки зрения, дополняя ее мнением о том, что «Иштван II сделал в интересах помощи Владимиру не больше того, что он стоял, «готовый к прыжку», на границе Венгрии»⁴².

Иначе трактует пребывание венгерского короля в Русской марке и его последствия Макк. По его мнению, после получения известий об успешной обороне Звенигорода, «в первой половине 1127 г. из русского приграничья Иштван II вторгся с войском на польскую территорию. Соответственно, мы относим польскую акцию венгерского короля на первую половину 1127 г. Этот военный шаг, предположительно, был предпринят по просьбе Владимирка. Ведь Звенигородский князь по праву мог опасаться того, что польский правитель Болеслав III предоставит помощь Ростиславу. Предположение Владимирка не было безосновательным. В 1123 г. Польша и Киев еще конфликтовали друг с другом, но позднее из-за возникшего немецкого натиска с запада Болеслав стремился к мирным отношениям с Киевом. Своей политической цели ему удалось достичь, потому что вскоре после вступления на престол в 1125 г. великого князя Мстислава Болеслав и Мстислав заключили между собой мир и союз»⁴³.

Макк считает, что конфликт братьев Володаревичей за передел отцовского наследия начался в 1126, а закончился в 1127 г.⁴⁴ Учитывая общую расстановку сил в юго-западной Руси и вокруг нее в эти годы, он допускает, что польский правитель по просьбе Мстислава Великого мог выступить на стороне Ростислава Володаревича. «С целью предотвращения этого, для нейтрализации Болеслава в интересах Владимирка, в первой половине 1127 г. войско Иштвана II вторглось в Польшу. Эта акция достигла своей цели, поскольку Болеслав не смог вмешаться в русскую междоусобицу»⁴⁵.

Отказ Болеслава III Кривоустого от вмешательства в русские дела в 1127 г. Макк объясняет также и с точки зрения ухудшения международного положения Польши в то время: «Очевидно, польский правитель, помимо немецкого и венгерского фронтов, не хотел ввязываться в конфликт на третьем театре военных действий. Предположительно, антипольская акция с венгерской стороны могла сыграть свою роль также в том, что началось сближение между Германской империей и Венгерским королевством, чему, впрочем, способствовал чешско-венгерский союз, точнее улучшение венгерско-австрийских отношений в это время»⁴⁶.

Развивая далее свою оценку международных событий, происходивших в юго-западной Руси в 1126–1127 гг., Макк подчеркивает, что поход Иштвана II в Польшу «имел очень серьезные последствия – полное изменение прежнего характера польско-венгерских отношений. Известно, что между Венгрией и Польшей, начиная с 1106 г. – после заключения договора о союзе между Калманом и Болеславом III – сохранялись мирные, дружественные и даже союзнические отношения»⁴⁷. Благодаря агрессивным шагам Иштвана II эти отношения стали полностью враждебными. И это объясняет тот факт, что в 1132 г. Болеслав III поддержал военными силами попытку захвата власти, предпринятую герцогом Борисом против Белы II»⁴⁸. Интерпретация Макком рассматриваемых событий представляется наиболее аргументированной и убедительной. Безусловно, у Болеслава III должны были появиться серьезные основания для того, чтобы последовательно поддерживать внука Владимира Мономаха Бориса Калмановича в его попытках захватить венгерский престол. Основные события этой борьбы относятся уже ко второй трети XII в. Что же касается последствий междоусобицы Володаревичей с точки зрения развития русско-венгерских отношений, то здесь ситуация была не столь однозначной, как в отношениях Венгрии и Польши после 1127 г. Отказ Киева от активной поддержки притязаний Бориса, сына дочери Владимира Мономаха, на венгерский престол, несомненно, имел серьезные политические причины.

Борьба сыновей Володаря Ростиславича за передел отцовского наследства стала лишь первым междоусобным конфликтом из серии столкновений, которые происходили в недолгое правление Мстислава Великого. За ней последовали междоусобицы в Чернигове, где Всеволод Ольгович изгнал своего дядю Ярослава Святославича в окраинный Муром, потом Мстиславу пришлось приводить к покорности полоцкого князя Давыда Всеславича (1127), а затем наказывать за отказ выступить в поход на половцев других Всеславичей (1129). Кроме того, беспокойно было на границе со Степью. Что касается Иштвана II, то, как указывалось выше, после пребывания в Русской марке он отправился на очередную войну с Византией. Боевые действия начались летом

1127 г. и шли с переменным успехом до октября 1129 г., когда лишь чудом избежавший пленения византийский император Иоанн II Комнин пошел на заключение мира с Иштваном II близ Браничева⁴⁹.

Вмешательство Иштвана II в междоусобия Володаревичей не изменило общего характера русско-венгерских отношений, оно лишь «уточнило» позицию Арпадов относительно шедшей на Руси борьбы отдельных князей и княжеских коалиций. Если прежде король поддерживал ветвь Ростиславичей в целом, то теперь, после ее разделения на 2 борющихся лагеря, Иштван II выбрал тот, который был враждебен Киеву, подтвердив тем самым курс, взятый в 1113 или 1114 г. в отношении Руси Калманом Книжником. При этом ни Иштван II, ни Мстислав Великий, как и их отцы, не довели взаимную неприязнь до развязывания военных действий, поскольку внутри- и внешнеполитическая ситуация на Руси и в Венгрии не позволяла обострить сложившуюся ситуацию.

Примечания

¹ ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 295; Т. II. М., 1998. Стб. 289–290.

² Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. С. 66.

³ Magyarország történeti kronológiája. Főszerk. Benda K. I. k. A kezdetektől 1526-ig. (далее – MTK). Budapest, 1986. 104. 1.

⁴ Д. Паулер считает, что Алмош бежал в Византию сразу же после своего ослепления в 1115 г. (*Pauler Gy. A magyar nemzet története az Árpádházi királyok alatt. I. köt. Budapest, 1899. 471. 1. (417. jegyz.)*).

⁵ Ibid.

⁶ Это ярко показало стремление Иштвана II во что бы то ни стало захватить Владимир-Волынский в 1123 г., несмотря на гибель Ярослава Святополчича, которому он хотел вернуть волынский стол. Подробнее об этом см.: *Юрасов М.К. Русско-венгерские отношения в годы киевского княжения Владимира Мономаха // Отечественная история. 2008. № 3. С. 12–14.*

⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 287.

⁸ «Post hoc tertio anno fines Polonicos missis exercitibus devastavit» (*Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovsky // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Vol. I. Budapestini, 1937. P. 439*).

⁹ «Inde reverses missis exercitibus suis fines Polonicos devastavit» (*Ibid. P. 434*).

¹⁰ Их датировки и последовательность восстанавливаются на основании данных «Хроники» Андреа Дандоло и византийских источников.

¹¹ *Pauler Gy. Op. cit. 233. 1.*

¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 276.

¹³ *Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 73–74.*

¹⁴ *Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 96.*

¹⁵ См.: *Szalay L. Magyarország története. I. k. Pest, 1861. 242–243. 1.; Horváth M. Magyarország történelme. I. k. Pest, 1871. 384–385. 1.*

¹⁶ *Makk F. A Kálmán-ági királyok külpolitikájának néhány kérdése // Idem. A turul-madár a kettős keresztig. Tanulmányok a magyarság régebbi történelméről. Szeged, 1998. 186. 1., 38. jegyz.*

¹⁷ *Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 129.*

¹⁸ *Magyar nemzet története. Szerk. Szilágyi S. II. k. Budapest, 1896. 260. 1. (Marczali H. része); Pauler Gy. Op. cit. 231–232. 1.; Грушевский М.С. Історія України–Руси. Вид. 2. У Львові, 1905. С. 418; Hóman B. és Szekfű Gy. Magyar történet. 7. kiad. Budapest, 1941. I. k. 365. 1.; Шушарин В.П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 168; Назаренко А.В. О Русской марке в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 306.*

¹⁹ Сравнение информации В.Н. Татищева о междоусобице Володаревичей с параллельными известиями его предшественников приводит к выводу о том, что русский историк XVIII в. использовал в качестве источника в значительно большей степени М. Стрыйковского, чем Я. Длугоша. Об этом прежде всего свидетельствуют встречающиеся в этом отрывке труда Татищева географические названия. Например, Длугош правильно передает русское название города Зве-

нигорода, в то время как Стрыйковский дает его в транскрипции «Свиннигород», из которого Татищев сделал «Свиногород» (*Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkich Rusi Macieja Strzykowskiego*. Wydanje nowe. Warszawa, 1846. S. 189). Кроме того, Стрыйковский при составлении рассказа о данном событии пользовался трудом М. Меховского, что отмечено на соответствующей странице издания его хроники. Татищев же сообщает некоторые дополнительные подробности, отсутствующие у названных польских историков, происхождение которых неизвестно (*Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. М.; Л., 1946. С. 185–186).

²⁰ Там же. Т. II. М.; Л., 1963. С. 138.

²¹ Подробнее об этом см.: *Назаренко А.В.* Дополнения // *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI) / Текст, пер., коммент. Под ред. и с доп. А.В. Назаренко. М., 2004. С. 419, примеч. 273.

²² *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 73.

²³ *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 78; *Толочко П.П.* Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 108.

²⁴ *Гром К.Я.* Из истории Угрии и славянства в XII веке (1141–1173). Варшава, 1889. С. 23–24; *Wertner M.* Borus und Rostislav. Beitrag zur Geschichte der russisch-poinisch-ungarische Beziehungen. Berlin, 1889. S. 5, 11; *Lázár Gy.* Az orosz birodalom története. I. k. Temesvár, 1890. 190–191. 1.; *Круп'якевич I.П.* Галицко-Волыньське князівство. Київ, 1984. С. 72; *Фонт М.* Венгерско-русские политические связи в XII веке (1118–1199 гг.) // Центральноевропейские исследования. Вып. 2. Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти В.П. Шушарина). М., 2004. С. 89.

²⁵ *Ioannis Diugossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae*. Varsaviae, T. II. 1970. P. 308; *Щавелева Н.И.* Указ. соч. С. 153.

²⁶ «Hungaris autem serius Wladimiro solatia, que impioraverat, ferentibus Rosczislaus Ruthenorum nactus solatia, videlicet Msczislai Kyowiensis ducis et Gregorii ac Iwanii Waszilkowicz, contra Wladimirum veniebat» (*Щавелева Н.И.* Указ. соч. С. 153 (текст), С. 305 (перевод)).

²⁷ *Ioannis Dlugossi Annales...* II. P. 308 и 310; *Щавелева Н.И.* Указ. соч. С. 153–154.

²⁸ *Назаренко А.В.* Дополнения. С. 420, примеч. 274.

²⁹ *Котляр Н.Ф.* Указ. соч. С. 79.

³⁰ В венгерском законодательстве раннего Средневековья венгерское слово «тегуе» передается латинским «тега», что указывает на его происхождение от славянского «межа».

³¹ См. об этом подробнее: *Юрасов М.К.* Венгры в Закарпатье. С кем могли контактировать венгерские племена в период «обретения родины»? // *Rossica Antiqua*. Исследования и материалы. СПб., 2010. С. 409–430.

³² Так, К.Я. Грот считал, что венгерские «приятели» Владимира Володаревича, о которых пишет Киевская (Ипатьевская) летопись (ПСРЛ. Т. II. Стб. 406), были жителями Русской марки (*Гром К.Я.* Указ. соч. С. 156).

³³ По мнению В. Ваттенбаха, оно было написано между 1170 и 1177 гг. (*Wattenbach W.* Deutschlands Geschichtsquellen. Bd. II. Berlin, 1894. S. 229–230).

³⁴ «Nuntius ad regem dirigitur, qui tunc in marchia Ruthenorum morabatur» (*Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. T. XI. Hannover, 1854. P. 74). Перевод выполнен А.В. Назаренко (*Назаренко А.В.* О Русской марке в средневековой Венгрии. С. 302).

³⁵ *Bidermann H.I.* Die Ungarischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte. Bd. II. Innsbruck, 1867. S. 59; *Гром К.Я.* Указ. соч. С. 23–24; *Wertner M.* Boris und Rostislav... S. 5; *Huber A.* Austria története. Budapest, 1899. 221. 1.; *Gombos F.A.* Catalogus fontium historiae Hungaricae... Budapest, 1938. P. 23–26; *Фонт М.* Указ. соч. С. 89.

³⁶ *Magyar nemzet története*. II. k. 260. 1.

³⁷ *Pauler Gy.* Op. cit. I. k. 239. 1., 476. 1. et 438. jegyz. К этой точке зрения присоединяется А.Л. Петров, заявляя (без ссылок) о том, что «это посольство *все* (курсив мой. – М.Ю.) относят к 1131 г.» (*Петров А.Л.* Древнейшие грамоты по истории Карпато-Русской Церкви и иерархии 1391–1498 гг. V Prazе, 1930. С. 32).

³⁸ Об этом писал еще М. Вертнер (*Wertner M.* Boris und Rostislav... S. 11). См. также новейшее исследование: *Kohl W.* Das Bistum Münster. 4/1. Das Domstift St. Paulus zu Münster // *Germania Sacra*. 17/1. Berlin; N.Y., 1987. S. 141.

³⁹ *Makk F.* A Kálmán-ági királyok... 187.1.

⁴⁰ *Ibid.* 187–188. I.

⁴¹ *Грушевский М. С.* Указ. соч. Т. II. С. 418.

⁴² *Фонт М.* Указ. соч. С. 89.

⁴³ *Makk F. A Kálmán-ági királyok...* 188. 1.

⁴⁴ *Ibid.* 187. 1.

⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁶ *Ibid.*

⁴⁷ Исследованию этого вопроса Ф. Макк посвятил специальную статью. См.: *Makk F. Contributions á l'histoire des relations hungaro-russo-polonaises á l'époque d'Étienne II // Magyarok és szlávok. H. Tóth et alii. Sze-ged, 1993. 337–345. 1.*

⁴⁸ *Makk F. A Kálmán-ági királyok...* 188–189. 1.

⁴⁹ МТК. I. к. 104. 1.

© 2011 г. Я. Н. РАБИНОВИЧ *

АНДРЕЙ ФЕДОРОВИЧ ПАЛИЦЫН В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Андрей Федорович Палицын – двоюродный племянник известного келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия (Палицына), был одним из людей, прошедших сквозь Смуту и выдвинувшихся при царе Михаиле Федоровиче. Таких как Андрей Палицын было много среди бывших тушинцев, «всплывших на поверхность» при новой династии. С.В. Бахрушин в своей статье о пребывании Андрея Палицына на воеводстве в Мангазее в 1629–1632 гг. назвал его «русским интеллигентом XVII века»¹. Основное внимание Бахрушин уделил жизни Андрея Палицына в конце 1620-х – начале 1630-х гг. О более раннем периоде его биографии историк приводит лишь отрывочные сведения. В настоящее время источники позволяют добавить дополнительные штрихи к биографии Палицына и осветить некоторые неизвестные ранее события Смуты на северо-западе России, непосредственным участником которых он был.

Родился Андрей Палицын в конце 1580-х гг., впервые упоминается в десятне Деревской пятины 1605/06 г. в качестве неслужилого новика². Некоторое время он служил у окольничего Я.М. Годунова, вскоре после смерти которого в 1607 г., как и многие другие мелкие служилые люди, примкнул к тушинцам³. Осенью 1608 г. тушинский боярин Иван Заруцкий отправил А.Ф. Палицына в Тотьму, чтобы привлечь там горожан на сторону Лжедмитрия II⁴. Палицын не только стал взимать налоги с жителей: он составил в Тотьме подложную грамоту и выпустил из местной тюрьмы опальных людей. В начале декабря 1608 г. в Тотьме началось восстание против тушинцев, Палицын был арестован. От расправы его спасло заступничество близких родственников, воевавших на стороне Василия Шуйского, в том числе двоюродного дяди Авраамия (Палицына). Перейдя на сторону В. Шуйского, Андрей Палицын принял активное участие в борьбе против тушинцев⁵. В 1609 г. Андрей Федорович участвовал в походе М.В. Скопина-Шуйского к Москве. Его отец Федор Сысоевич в 1609 г. был назначен воеводой в Белоозеро⁶. Сам А. Палицын за верную службу вскоре получил от царя Василия новые пожалования. В 1609/10 г. он имел поместный оклад 350 четвертей; по грамоте царя Василия Шуйского ему было отделено 300 четвертей⁷.

После свержения Василия Шуйского и установления в Москве власти «Семибоярщины» Палицын вместе с москвичами 17 августа 1610 г. присягнул польскому королевичу Владиславу. В сентябре 1610 г. он был в составе посольства к королю Сигизмунду под Смоленском (являлся представителем городского дворянства)⁸. Отец Андрея в это время находился в Старой Руссе, где был вторым воеводой⁹. Вместе с дядей и многими другими участниками посольства Палицын принес присягу Сигизмунду. 18 ноября 1610 г. король из-под Смоленска отправил грамоту на имя боярина Ф.И. Мстиславско-

* Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, ассистент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.